

СЕРГЕЙ ТИМИН

ПЕКАРНЯ НА НАБЕРЕЖНОЙ

Она приехала на три дня. Осталась на зиму

Сергей Тимин

Пекарня на набережной

«Автор»

2026

Тимин С.

Пекарня на набережной / С. Тимин — «Автор», 2026

Вера Дёгтева приезжает в Углич на три дня, чтобы продать бабушкин дом с пекарней и вернуться в Москву. На дом уже смотрит подрядчик: Егор Савельев вернулся сюда из столицы, чтобы построить гастрономический квартал, и его стройка идёт ровно по тому двору, где Вера выросла. В семнадцать лет они знали друг друга, и он обещал вернуться. Двенадцать лет спустя им достался один холодный договор, одна печь, одна закваска на сорок лет и город, в котором все всё видят. Три дня превращаются в зиму, а зима - в выбор.

© Тимин С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Закваска	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6. Егор	16
Глава 7	18
Глава 8	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сергей Тимин

Пекарня на набережной

Сергей Тимин
ПЕКАРНЯ НА НАБЕРЕЖНОЙ

Часть первая. Закваска

Глава 1

Закваску я везла в банке из-под огурцов.

Банка была обёрнута бабушкиным пуховым платком и пристёгнута ремнём безопасности на переднем сиденье - я решила, что если уж кто-то в машине и достоин пристегнуться, то точно не коробка с моими грамотами, которую я не открывала со времён колледжа.

Тёмные пузыри поднимались к крышке медленно, с достоинством. Сорок лет жизни. Такую закваску нельзя везти в багажнике, потому что от тряски она обижается и потом три дня подходит с укором.

Восемь часов от Москвы. Три остановки, один кофе в пластиковом стакане, который пах горячим картоном, и одно сообщение от Максима: «Ну ты подумай, Вер. Место в Москве за так никто не держит».

Думаю. Очень стараюсь.

На подъезде к Угличу навигатор отработал фразу: «Вы прибыли в пункт назначения», хотя передо мной была заправка с вывеской «Дизель, 24 часа» и дед в панаме, который ласково мыл старенькую «Ниву» из шланга. Дед посмотрел на мою машину, потом на меня, потом опять на машину - так смотрят люди, у которых есть версия. Версии у него, к счастью, не нашлось.

Углич стоял в жаркой дымке. Волга блестела как фольга, у причала дремал теплоход с надписью «Николай Карамзин», экскурсовод скучал в тени и громко объявил в никуда, что налево будет церковь Димитрия на Крови, а направо - торговые ряды с сыром и медовухой. Я была здесь в последний раз шесть лет назад, привозила бабушке новый чайник и плед, и город тогда казался мне декорацией к бабушкиной жизни: маленькой, хорошо вымытой, без меня.

Я включила поворотник на Спасскую и почти сразу поняла: декорации перекрасили. На месте старого унылого ларька стоял модный кофе-поинт с чёрными рамами, за стеклом девушка в фартуке улыбалась ровно на двадцать рублей. Над вывеской «Угличский сыродельный» висела гирлянда. На улице пахло сыром, нагретым асфальтом и Волгой - тем особым запахом реки, от которого в груди становится тесно, будто кто-то присел рядом.

Бабушкин дом я увидела сразу, как обычно и видишь то, что не хочешь видеть.

Двухэтажный, тёмно-зелёный, с белой лепниной по краю крыши, местами обвалившейся, - он стоял, вжавшись в землю, между отремонтированным с иголочки «Домом купца Баженова» и забором стройки. Ниже первого этажа шла пекарня: три окна, за которыми я тридцать лет подряд видела одно и то же - бабушку, тряпку, руки в муке. Про то, что бабушка умерла в марте, я помнила. Про то, что вместе с бабушкой умерла вывеска «Коврижка» - нет, потому что вывеску я оплачивала сама и была уверена, что она на месте.

Вывески не было. Вместо неё на фасаде висел пластиковый баннер: «Каменный ручей. Исторический квартал. Гастрономия. Отель. 2027». Внизу, мельче: «Строительство с сентября».

На двери пекарни висел замок. Большой. Новый. Такой большой, что я на секунду задумалась, не взял ли его кто-то из другого, взрослого мира, где делают нормальные замки и нормальные деньги.

Красная лента была натянута от угла к столбу и обратно, а на ней, шурясь от солнца, сидел кот.

Толстый. Дымчатый. С усами как у валенка.

- Профитроль, - сказала я.

Кот посмотрел на меня, как смотрят старые бухгалтеры на стажёров, и отвернулся.

Под лентой, в тени у пристройки, стояла баба Люба - соседка, которая сорок лет держала с бабушкой одну грядку с укропом и одну вечную ссору из-за грядки. Она держала на весу эмалированную кружку и смотрела на меня без удивления, будто я в этом дворе и не выходила.

- Приехала, - сказала она. - Три месяца ехала. Ну, здравствуй, Верка.

- Здравствуйте, Любовь Григорьевна.

- Не «здравствуйте». Меня бабки во дворе Любкой зовут, а ты мне не чужая. Хотя, - она оглядела меня, мою машину и моё платье, - выросла ты в кого-то из Москвы.

- Кругом мужика в галстук? - спросила я.

- Кругом штукатурки на три этажа. - Она сунула мне кружку. - Пей, простынет. Крыжовник с мятухой. Замок твой сволочи поставили. Я им сказала: не имеете права, наследница есть. А они говорят: участок выкупается по частям, дом ваш, а лента от соседнего.

- Кто выкупает?

- Савельев, - сказала баба Люба и посмотрела на меня внимательно, как будто на экзамене. Пауза вышла аккуратной, даже вежливой.

Я вдруг сильно захотела сесть. Не потому что фамилия, а потому что за спиной раздались шаги - уверенные, быстрые, в туфлях по гравию, - и голос, который произнёс:

- Вера?

Я обернулась.

Через ленту, в белой рубашке с закатанными рукавами, с папкой и телефоном в одной руке, стоял мужчина. Загорелый до неприличного, с короткой стрижкой и щетиной, которая только что перестала быть щетиной и стала бородой. Он смотрел на меня так, как смотрят на неожиданную цифру в расчётах: и пересчитать хочется, и признать неприятно.

- Вера Андреевна, - сказал он. - Дёгтева.

Он знал мою фамилию. Из документов. Это было объяснимо, и всё-таки от того, как он это выговорил - чуть медленнее, чем нужно деловому человеку, - у меня внутри что-то опрокинулось.

- Мы знакомы? - спросила я.

Мужчина помолчал.

- Мы знакомы, - сказал он. - Хотя, судя по лицу, ты собираешься это опровергать.

Кот спрыгнул с ленты, пошёл через двор к нему, лениво потёрся о брюки и сел у его ног. У его ног. У незнакомого, между прочим, человека. Изменщик.

- Егор, - сказал он и протянул руку. - Егор Савельев. Частный инвестор. Нам надо поговорить про ваш дом.

Я смотрела на протянутую руку, на своё имя, которое он произнёс как пароль, и думала о банке с закваской, пристёгнутой ремнём в машине. Как будто тамошняя тёмная, сорокалетняя, терпеливая моя родня смотрела на эту сцену из платка и делала выводы.

- Нам не о чем говорить, - сказала я. - Дом не продаётся.

- Тогда тем более, - сказал Егор Савельев и убрал руку в карман, спокойно, как человек, который умеет ждать. - Потому что с третьего сентября тут будет стройка.

Баба Люба громко вздохнула у меня за спиной.

А я стояла на улице своего детства, с горячей кружкой крыжовникового чая, в платье, которое купила на собеседование, и отчетливо понимала простую вещь: на три дня я не укладываюсь.

Глава 2

Нотариус Галина Борисовна сидела в маленьком кабинете на Спасской, где на подоконнике цвела герань, а под стеклом лежали вышитые салфетки. Такой кабинет скорее подошёл бы не нотариусу, а человеку, который тайно разводит фиалки.

- Значит, вступаешь, - сказала она, перелистывая дело. - Дом, участок восемь соток, гараж значит... гараж не доделан.

- Бабушка начинала. Тридцать лет начинала.

- У всех нас незаконченный гараж, - вздохнула Галина Борисовна. - Так, девочка, слушай меня внимательно, потому что тебе никто больше не скажет. Дом твой. Пекарня твоя, помещение с четырнадцатого года оформлено как торговое, разрешения там все в порядке, санэпидстанция принимала, я проверяла. Термометр старый, но это не моя епархия. Дальше. У бабушки есть - ой, то есть была - задолженность.

- Большая?

- Газ, электричество, налоги, плюс она в прошлом году брала рассрочку на печь. Восстановление кладки оплачивала. - Галина Борисовна подняла глаза. - Триста восемьдесят четыре тысячи. Ты не думай плохо, она платила аккуратно, просто не успела.

Триста восемьдесят четыре тысячи. У меня на карте было сто двенадцать, из них пятьдесят я отложила на депозит за квартиру, если вернусь в Москву. То есть сто двенадцать тысяч.

- И вот ещё. - Нотариус достала из папки лист. - Тут сосед предлагал выкуп. Заявка официальная. ООО «Каменный ручей».

- Не продаём.

- Я и не уговариваю. Я тебе цифру показываю, чтобы ты потом не удивлялась, почему к тебе в город сбегаются. - Она показала. Цифра была такая, что у меня зачесалась левая ладонь.

- И предупреждаю: у них там весь квартал скуплен, кроме твоих двух участков и ещё один дом, где старуха Плетнёва живёт. А Плетнёва, чтобы ты знала, не продаст ни за какие деньги, потому что она мне ещё в двухтысячном сказала, что умрёт на своей кухне, и слово, между нами, держит.

Я подписала, где надо. Бумага была прохладная, как лёд на реке в марте. Восемь подписей, и я официально стала человеком с домом.

- Галина Борисовна. - Я сложила документы в папку. - Вы Савельева знаете?

- Егора-то? - Нотариус улыбнулась. - Ты у меня первая, кто спрашивает так осторожно. Он тут с апреля. Приехал после отца, Пётр Егорович зимой умер, ты, наверно, помнишь, мукомол, он ещё на комбинате работал, вечный спор у них с бабушкиным мужем был из-за элеватора, но это не твоё дело. Так вот. Егор приехал, купил мельницу на ручье, реставрирует, вкладывает, это, между нами, для города хорошо и для меня лично: у меня окна напротив, я наконец увижу, как эта развалина отмоется.

- И дом он хочет снести, - сказала я.

- Дом он хочет купить, - поправила Галина Борисовна. - А уж что он с ним сделает, это ты решишь. Дом-то пока твой.

Пекарня пахла так, что я встала в дверях и не сразу смогла зайти.

Пыль, мука, чуть-чуть дрожжей, старая древесина, сушёные травы в тряпичных мешочках, которые бабушка развешивала по углам от моли, и сверху всё это - железо остывшей печи. Запах был не грустный. Запах был рабочий. Как будто тут просто сделали перерыв.

- Она перед смертью сюда приходила, - сказала баба Люба, входя следом и вытирая ноги о половик с невероятным усердием. - Руками месила. Я ей говорю: Марфа, у тебя ноги, ты совсем. А она: я не мешу, я разговариваю.

- С кем?

- С тестом. С кем ещё.

Я открыла крышку ларя. Мука была свежая. Баба Люба, поймав мой взгляд, пожала плечами: мол, что я, не человек.

В подвале, в деревянной кадке под полотенцем, жила она. Моя ровесница, моя наследница, моя тёмная, пузырящаяся родня. Закваска. Ей было сорок один год по бабушкиным записям, она пахла уксусом и яблоками, и она была жива, потому что соседка каждый день спускалась в подвал кормить её мукой, как кормят кота, потому что «кот помрёт, а закваска помрёт - и всё, конец роду».

- Любовь Григорьевна, - сказала я в подвал, - вы ей поклоны бьёте?

- Я ей молоко ношу, - отрезала баба Люба сверху. - Деревенское. Ты давай не умничай, ты в городе своём умная. Тут всё просто: она тебя ждала. Теперь твоя очередь.

Я стояла в подвале, в темноте, и держала в руках полотенце с бабушкиной вышивкой, и мне страшно хотелось, чтобы никто этого не видел.

Вечером я сидела на кухне, ела бабушкины сушки из жестяной коробки, которые зачерствели до состояния камня, и листала её тетради. Их было одиннадцать. В клетку, в линейку, три обгоревших по краю.

В десятой, между страницами с рецептом коврижки, лежал лист с короткой записью. Бабушкин почерк к старости стал мелким, как будто она экономила бумагу, но здесь буквы стояли крупно и были продавлены так, что читались с обратной стороны.

«Если Верка приедет - сразу пошли её в мастерскую, там всё горит. Ключ под сиренью. Савельеву не верить. Про письма не говорить.»

Я прочитала трижды. Повернула лист. На обороте было пусто, если не считать высохшего пятна чая.

Савельеву не верить. Про письма не говорить.

Я знала про бабушку одну вещь: она ничего не писала просто так. Она вообще была человеком, который считает слова дороже денег, а деньги - дороже чувств, и если уж она вывела буквы размером в полстраницы, значит, за этим стояло что-то, о чём в этом доме не разговаривали.

Ключ под сиренью я нашла. Сирень у пристройки, старая, разросшаяся, забрала себе полдвора, и под ней лежала жестянка из-под леденцов. В жестянке, кроме ключа от мастерской, был ещё один ключ, маленький, от навесного замка, и записка: «Егорке не верь».

Я закрыла жестянку, сунула её в карман и пошла спать на бабушкину кровать, которая скрипела всеми четырьмя пружинами.

В два часа ночи за окном кто-то ходил. Я слышала шаги по гравию - раз, другой, третий, - и голос, негромкий, короткий, деловой. Потом хлопнула дверца машины.

Я лежала и думала: если бы три месяца назад мне сказали, что я буду ночевать в пустом доме в Угличе, сторожа его от мужчины, которого двенадцать лет старалась не вспоминать, я бы посмеялась. Ладно. Утром я пойду в мастерскую.

Ключ, подумала я, засыпая. Что за мастерская? У бабушки никогда не было никакой мастерской.

Глава 3

Мастерская оказалась бывшим сараем, пристроенным к пекарне с торца, и я честно отказывалась понимать, как я за тридцать лет ни разу не заглянула внутрь.

Ну как не заглянула. Заглядывала. В детстве там стояли банки с краской и висели лыжи с отвалившимися креплениями, и бабушка говорила: «Не лезь, там мужское». Мужское - значит, лыжи и краска. Логично.

Сейчас внутри действительно всё горело.

В смысле, там был свет. Электрический. Кто-то провёл туда провод, поставил новый щиток, лампы дневного света на потолке, и посреди сарая стоял верстак, а на верстаке лежал чертёж, придавленный молотком. На стене висели инструменты - аккуратно, по размеру, как в операционной. В углу стоял деревянный стеллаж, забитый старыми вещами: самовар, швейная машинка, фанерный чемодан с наклейками, радиоприёмник, весы с чашками на цепочках каких-то гипертрофированных размеров.

Я подошла к чертежу, наклонилась и прочитала в правом нижнем углу: «УГЛИЧ. КОВРИЖКА. РЕСТАВРАЦИЯ ФАСАДА. АРХ. МЕЛЬНИКОВ».

Савельев не собирался сносить дом.

Савельев собирался его чинить, судя по штампу, ещё с июня.

Я села на табурет и просидела так, наверно, минуты две, глядя на аккуратную линию карниза, вычерченную чужой рукой. В голове было пусто и по-дурацки обидно, как бывает, когда ты всю ночь готовила речь, а человек вышел к доске и всё уже написал.

- Ключ под сиренью, - сказала я вслух. - Спасибо, бабуля. Очень помог.

Днём я нашла контору «Каменного ручья». Она была в бывшем магазине «Часы» на Спаской, где ещё при мне за стеклом висели «Чайки» на подушечках, а продавщица Раиса Ивановна говорила каждому посетителю: «Внучка, это часы с историей, город на них работал». Теперь в витрине стоял макет квартала: отель, гастрономия, набережная, свет маленьких светодиодов, обозначающих фонари, и в углу - тёмно-зелёный домик с надписью на пьедестале: «Пекарня. 1913 г. Реставрация».

Домик был мой.

Егор Андреевич Савельев сидел за столом, на котором не было ни одной лишней вещи. Степлер, ноутбук, стакан с водой, папка. Такие столы бывают у людей, которые либо очень организованны, либо очень устали.

- Добрый день. - Я села, не дожидаясь приглашения, и положила перед ним ключ от мастерской. - Это ваш. Я разобралась, кто там свет включил. Вы, по-моему, заходите в чужой дом через сарай.

- Я заходил проверять, не утечёт ли крыша. - Он даже не отвёл взгляд от ключа. - До того, как дом стал ваш.

- Он был бабушкин.

- Он был ничей четыре месяца, - сказал Егор. - Пока ты не приехала. У нас на объекте прошлой осенью в таком же доме обрушился марш, потому что с декабря по март никто не следил. Я не хотел повторения.

- Как трогательно.

- Вера. - Он сложил руки на столе. - Давай мы сейчас не будем про трогательно.

- Давай, - согласилась я. - Давай про то, что с третьего сентября тут стройка, про которую вы мне сказали вчера, стоя у красной ленты. Чей это участок?

- Участок Плетнёвой. Она не продаёт, я знаю. Я про другое: подъезд к кварталу с вашей стороны. Если вы не продаёте дом, у меня тупик. Машины не пройдут.

- То есть вам не дом нужен, а проезд, - сказала я. И вдруг поняла, что мне стало легче.
- Вы потому и купили участок сбоку.

- Я купил участок сбоку, потому что там стоял сгоревший киоск и мусор. - Он откинулся на спинку. - И да, мне нужен проезд. Дом отдельно.

- А что мне отдельно?

- Дом. - Он помолчал. - С пекарней. Если вы её открываете.

Я не сразу поняла, что он сказал.

- С чего вы взяли, что я её открываю?

- Вы привезли закваску. - Егор смотрел ровно. - У вас в машине, на переднем сиденье, в банке из-под огурцов. Я видел вчера.

- Вы вчера смотрели в мою машину?

- Я вчера смотрел на вашу машину, потому что она стояла на газоне под кустом, и я думал, как её оттуда вытащить, если вы уедете в ночь. - Он отчётливо вздохнул. - Вера, ты спалилась. Давай по делу.

И от этого «ты» у меня в горле стало сухо.

- По делу так по делу. Ваша стройка перекрывает мне гараж, ваш проезд отрезает мне двор, ваш квартал тянет мне арендные ставки вокруг, которые, спасибо, уже выросли так, что я не заплачу налог. У меня долги бабушки, четыреста тысяч, у меня печь с трещиной, у меня...
- я хотела сказать «у меня сорок дней отпуска и сто двенадцать тысяч», но сказала другое: - У меня ничего нет, кроме этого дома.

Егор молчал. Долго, секунд десять, и в этой тишине было слышно, как за стеной, в соседнем помещении, кто-то из его сотрудников разговаривает по телефону про сухую смесь.

- Мне нужен хлеб, - сказал он наконец.

Глава 4

- Что?

- На открытии «Мельницы» тридцать первого декабря. Не торт. Не десерт. Хлеб. Коврижка, которую я ел последний раз четырнадцать лет назад. Твоя.

- Моя коврижка четырнадцать лет назад была из бабушкиной печи, - сказала я. - Которая с трещиной.

- Значит, будет из печи без трещины. - Он открыл папку и развернул ко мне лист. - Вот предложение. Договор до тридцать первого декабря. Ты - шеф-пекарь проекта «Мельница». Разрабатываешь хлебную программу, два вида хлеба на закваске, коврижка, сезонные позиции к праздникам. Ставка, плюс премия по открытию. Из денег выходят твои долги и ремонт печи. Плюс я даю тебе помещение - в гастро-квартале, первый корпус, шестьдесят метров, три года по ставке, за которую у нас в городе не сдают углы. И проезд я перекладываю в другую сторону, это моя забота.

Я смотрела на цифру. Цифра была нормальная. Обидно нормальная. Такие цифры не предлагают людям, чтобы их унижить. Такие цифры предлагают, чтобы получить результат.

- Зачем вам я? - спросила я. - В Ярославле десяток пекарен. В Москве - тысяча. Вы берёте человека, который вчера на вас кричал у красной ленточки.

- Я беру человека, который вчера не отдал мне участок, - сказал Егор. - Мне для проекта нужны люди, которые не сдают. И ещё. - Он чуть помедлил. - Я не собираюсь тебе врать: у меня личный интерес. Я двенадцать лет не ел такого хлеба. Я хочу его на открытии. Это всё.

Мы смотрели друг на друга через стол. За окном проехал экскурсионный паровозик, из динамиков играла песня про Волгу. На стене тикали часы - настоящие, с маятником, из той самой витрины «Чайки».

- Дом не сносить, - сказала я. - Никогда. И не переделывать фасад так, чтобы бабушка не узнала свою пекарню. Это в договор.

- Внесём.

- И я не живу на объекте и не ношу ваш корпоративный фартук.

- Фартук твой, - сказал Егор. - Кстати. Хорошо, что ты заговорила про условия. Потому что у меня есть одно, и оно не обсуждается.

- Какое?

Он перевернул лист и ткнул пальцем в пункт, который был набран мелко, в самом конце, там, где обычно прячется то, что автор договора считает справедливым.

Я прочитала. Подняла глаза. Прочитала ещё раз, хотя это была одна короткая строка.

«Исполнитель обязуется ежедневно, в течение всего срока, находиться на объекте заказчика не менее шести часов, включая выходные, в связи с непрерывным технологическим циклом».

- Шесть часов в день, включая выходные, - сказала я. - Тридцать первое декабря вы тоже считаете выходным?

- Нет, тридцать первого - рабочий день, - спокойно ответил Егор Савельев. - Четыре месяца. Подписывай, Вера. Дом твой остаётся домом.

Я подписала.

Вышла на улицу, прищурилась от солнца, и в этот момент на углу, где стоял старый дом с мезонином - тот самый, где до восьмидесятых была городская библиотека, а потом ничего, - заработал экскаватор. Стрела поднялась, развернулась, и угол дома неторопливо, без всякой трагедии, ссыпался вниз кирпичной крошкой.

Я стояла с договором в руках и смотрела, как чужая история ровно за три минуты становится щебнем.

У меня в машине, на переднем сиденье, была пристёгнута ремнём банка из-под огурцов. Ей было сорок один год, ей было на меня плевать, и она была единственным в этом городе, что не имело ко мне никаких условий.

Глава 5

«Мельница» стояла на Каменном ручье и была похожа на человека, с которого сняли бинты: кирпич отмыт до розового, окна вставлены, стропила новые, а по центру фасада сох-нет огромная побелка, где старыми буквами, ещё с позапрошлого века, написано «МУКО-МОЛЬНЯ».

Внутри пахло цементной пылью, лаком и какими-то рабочими надеждами. Возле стены на козлах лежала дверь, завёрнутая в плёнку. По полу тянулся оранжевый кабель. В углу, под чехлами, угадывалась кухня: плита, тестомес, холодильные шкафы. Большая кухня. Такая большая, что в моей московской кондитерской на такой разместилось бы три «Кремовых».

- Вера Андреевна? - сказала женщина, стоящая у плиты с планшетом в руке.

- Кристина Ланская, инвестиционный фонд «Верхний город». Мы с Егором Андрееви-чем партнёры. Покажите руки.

- Что?

- Руки, - повторила Кристина. - Покажите. У вас хлеб на закваске, я хочу понять, вы печёте или управляете.

Я показала. Ладони были в муке, ссадина от ножа, средний палец заклеен пластырем.

- Хорошо, - сказала Кристина, и это прозвучало как «допущена». - У вас час. Инвесторы придут в три. Это господин Гуляев, он вкладывает в отели, и его жена, она вкладывает в то, что он вкладывает. Нам нужно, чтобы они попробовали ваш хлеб и сказали «это место надо оставить в проекте», а не «это лишние восемьдесят миллионов в смете».

- Восемьдесят миллионов, - сказала я.

Печь в «Мельнице» была новая, итальянская, с такими кнопками, что я поняла: мы с ней враги. Я пекла всю жизнь в кирпичной бабушкиной печи и в двух московских конвекторах, а эта была гордая, цифровая и явно считала себя важнее человека.

Тесто я замесила своё. Закваску принесла в банке, в которой везла её из Москвы, и Кри-стина, увидев банку, подняла бровь.

- Это что?

- Это закваска. Сорок один год.

- Её у нас можно вывести за двое суток, - сказала Кристина.

- Её можно и за сутки, - согласилась я. - У вас получится хлеб. И ни одного человека, который про него потом будет вспоминать.

Кристина посмотрела на меня долгим взглядом и записала что-то в планшет.

Инвесторы приехали в три. Господин Гуляев был большой, весёлый, с часами, которые я видела только в витринах. Его жена, Аделаида Марковна, была маленькая, сухая и опасная, как гвоздика в чае. С ними приехала ещё одна женщина, молчаливая, с блокнотом, - то ли помощница, то ли аудитор, я так и не поняла.

Егор стоял у двери. Он был в тёмной рубашке без галстука, держал руки за спиной и смотрел на кухню так, как смотрят на чужую операцию через стекло: он там ничего не решает, но жить без этого не может.

Я вынесла хлеб на доске. Второй - коврижку - держала наготове под полотенцем.

- Что это? - спросила Аделаида Марковна, тыкая пальцем в первый батон.

- Хлеб на закваске. Ржаная мука, четверть цельнозерновой, тмин, солод. Восемнадцать часов холодной расстойки.

- Восемнадцать часов, - сказала Аделаида Марковна. - За это время можно продать два отеля.

Она откусила. Пожевала. Проглотила. Посмотрела на мужа.

- Юра, - сказала она. - Где ты в Москве такое ел? Нигде. В Москве такого нет.

Гуляев отломил корочку. Потом вторую. Потом подцепил масло, потом сыр, который принёс с собой в термосумке дядя Слава с фермы, потом жареный лук из маленькой сковородки, которая стояла на плите для другого блюда. Через семь минут он стучал по столу пальцем и говорил Егору:

- Берём. Только вот что: пекарню я хочу видеть в витрине, чтобы её отовсюду было видно. Пекарь в окне. Люди любят, когда хлеб делают при них.

- И ещё, - сказала Аделаида Марковна, поднимая глаза от доски. - Кто ваша девушка?

- Мой шеф-пекарь, - сказал Егор.

- Шеф-пекарь у вас будет в феврале, - сказала Аделаида Марковна. - А кто она вам сейчас?

- Мы знакомы с детства, - сказала я. - Дальше не продолжаем, потому что это никак не относится к хлебу.

У господина Гуляева сделалось лицо человека, который только что понял, зачем ему продают именно этот отель, и он захохотал так, что Аделаида Марковна поставила чашку.

- Детство, - сказал он. - Это отлично. Это лучше любого дизайна. Но чтобы потом не было скандала, вы мне в отчёте напишете: это частная история или корпоративная?

- Корпоративная, - сказала Кристина, одновременно со мной.

- Частная, - сказала я.

Кристина медленно повернула ко мне голову.

Коврижку я разрезала молча и вынесла на середину стола. Про неё не надо было ничего говорить. Коврижка говорит сама: мёд, корица, гвоздика, чёрный перец на самом кончике ножа, тесто, которое держишь между пальцами и чувствуешь, как оно живое. Бабушка учила: «Хорошую коврижку не хвалят, её молча едят и потом просят добавку».

Добавку попросили трижды.

Егор вошёл на кухню, когда я уже вытирала стол. Он встал у стены и смотрел на меня, и я, чтобы не молчать, сказала первое, что пришло:

- Я вам не «девушка». Я вам исполнитель по договору.

- Ага, - повторил Егор.

- Ты сегодня испекла хлеб в печи, которую первый раз видишь, - сказал он. - У тебя руки дрожат, а у Гуляева на счёте плюс восемьдесят миллионов в смете. Я могу помолчать.

Он вышел. Я стояла в чужой огромной кухне, среди блестящего железа, и почему-то думала не про восемьдесят миллионов и не про инвесторов, а про то, что он смотрел на мои руки. Не на лицо. На руки.

В дверях появилась Кристина. Она застегнула сумку, посмотрела на часы, потом на меня - спокойно, оценивающе, как смотрят на позицию в списке.

- Вера Андреевна. Я вам не враг. Я вам, к сожалению, никто. Но у меня к вам просьба как к партнёру проекта: впредь на публичных вопросах о ваших отношениях с Егором Андреевичем отвечайте так, как ответила бы я. Закваска - это двенадцать процентов выручки. Личные истории здесь стоят гораздо дороже.

- И сколько они стоят у вас?

- Ровно столько, сколько стоит доля фонда, - сказала Кристина. - Я вас не пугаю. Я просто прошу: не превращайте нам проект в роман.

Она ушла.

У меня в кармане лежал ключ с бабушкиной запиской и второй ключ, маленький, к которому записки не прилагалось. Я достала его, повертела в руках.

«Про письма не говорить».

Ладно, бабуля. Сначала хлеб, потом письма.

Глава 6. Егор

Отец умер десятого января, в шесть утра, в Угличской больнице, в отделении, где в коридоре стояли носилки, потому что их некуда было убрать.

Егор тогда был в Москве, в переговорной с видом на Садовое, и телефон в кармане дрожал четыре раза, а он не брал, потому что совещание шло про ставки, а ставки - это двадцать шесть тысяч квадратных метров, которые должны были стать деньгами к сентябрю. Потом он вышел в коридор, перезвонил брату отца, дяде Мите, и услышал: «Ну всё. Приезжай».

Он приехал к вечеру. В морг не пускали до утра, он сидел на подоконнике в приёмном покое и держал в руках отцовский пакет: телефон кнопочный, очки в футляре, шапка, кошелек с картой, где осталось восемь тысяч двести рублей, и железнодорожный билет.

Билет был Москва - Углич. Дата - тридцатое декабря. Куплен за двенадцать дней до смерти.

Отец ехал к нему. На Новый год. Егор об этом не знал.

Двенадцать лет он звонил отцу по воскресеньям, раз в месяц приезжал на два дня, привозил хорошее вино, которое отец не пил, и телевизор, который отец не смотрел, и оба они делали вид, что отношения у них есть. А отец взял и купил билет, потому что, видимо, решил, что раз сын не возвращается, так хоть он приедет сам, посмотрит, как там сын живёт, и скажет ему про две вещи, о которых сказать нужно.

Про какие - Егор не знал. Он узнал потом, по документам: мельница на ручье, которая стояла заброшенной с девяносто восьмого, была отцовской. Пётр Егорович купил её в девяносто четвертом за копейки, чтобы «сохранить», ремонтировал крышу из своих, ставил пломбы на двери, писал письма в администрацию. Восемнадцать лет писал. И завещал сыну вместе с фразой, которую тот помнил из разговоров: «Ты, Егорка, как хочешь, а мельницу бросить нельзя. Она город кормила».

Егор бросил всё остальное: партнёрство в столичной девелоперской компании, квартиру с видом на парк, невесту Лену, с которой прожил четыре года и расстался без скандала, потому что не было ни одного дня, когда они были неудобны друг другу. Он продал свою долю, занял у двух старых партнёров, взял кредит под квартиру в Москве - та осталась в залоге, и он старался об этом не думать, - и вернулся в город, где его в семнадцать лет считали Горкой с Рыбацкой и где у него не осталось ни одного друга, кроме кота, который перешёл к нему по наследству от отца и оказался чужим и наглым животным с собачьим именем Гвоздь.

В апреле он скупал дома по Каменному ручью. В мае заказал проект. В июне понял, что без проезда с набережной квартал не взлетит, а проезд упирается в участок, где стоял дом Марфы Тимофеевны Дёгтевой с пекарней, и что Марфа Тимофеевна, между прочим, умерла в марте и похоронена в среду, о чём в городе говорили на рынке.

Он поехал на кладбище, когда там никого не было, и стоял у ограды, и смотрел на свежую землю, и вспоминал, как в четырнадцатом году эта женщина вышла к нему на крыльцо, вытирая руки о фартук, и сказала одну фразу: «Уходи, Егор. Тебе здесь ничего не будет».

Он ушёл. И вот теперь стоял и смотрел на её могилу, а потом пошёл к нотариусу и сказал: дом не трогаем, дом реставрируем, пекарню оставляем в проекте.

- А если наследница приедет и продаст? - спросила Галина Борисовна.

- Пусть приедет, - сказал Егор.

Он не звонил ей. Ни разу за двенадцать лет он не позвонил ей, кроме двух раз. И та фотография в ящике стола лежала не потому, что он её берёт. Просто руки не доходили выкинуть.

Насчёт Веры он не обманывался ни минуты. Он понимал, что она приедет и что будет стоять у красной ленты, как чужая, потому что она и была ему чужая. Он понимал, что любой

нормальный человек на её месте либо берёт деньги за дом, либо берёт деньги за контракт, либо уезжает. Он сам на её месте взял бы деньги.

И всё равно в тот вечер, на дегустации, когда она вынесла хлеб на доске, а Аделаида Марковна спросила «что это», он поймал себя на том, что дышит не так, как нужно дышать человеку на переговорах.

Он знал этот запах. Четырнадцать лет не было ни одного утра, чтобы он его не узнал, если бы встретил. Тёплый, кислый, чуть чуждый - запах чужого жилья, где тебя кормят без условий.

- Значит, частная история, - сказал он вечером в трубку, когда Кристина позвонила ровно без пяти шесть.

- Это была не просьба, Егор. Инвесторы заходят в проект с формулой «городское, семейное, историческое». Личное - это риск. У нас в двух других объектах люди разводились, и каждый раз это стоило мне трёх месяцев переговоров с банком.

- Я тебя слышал.

- Ты меня не услышал. - Кристина сделала паузу, ровную, ледяную. - Егор, я тебе говорила в апреле и повторяю в августе: если эта девочка остаётся в проекте дальше открытия, фонд пересматривает условия участия. Мы вкладываем восемьсот сорок миллионов. Это не место для экспериментов с первой любовью.

- Это место, где будет хлеб, который ты сейчас пробовала, - сказал Егор.

- Хлеб можно перевести в другой формат.

- Нельзя.

Кому нужна пекарня.

Он вышел из кабинета в двенадцатом часу, чтобы закрыть объект, и увидел свет в окнах кухни. Дверь была приоткрыта, на столе стояла кружка, а Вера спала, положив голову на стол, на сложенное полотенце, и под её щекой была мучная полоса.

Тестомес гудел, не выключенный.

Егор выключил машину, взял свой пиджак с крючка у двери и накрыл её - неуклюже, как накрывают чужие вещи, которые не хочется трогать. Потом вышел, запер, включил сигнализацию и пошёл к машине.

На полпути он вернулся. Достал из кармана конверт, который лежал у него в бардачке с апреля, и сунул его в щель между створкой ворот и доской - там, где не видно, но там, где человек, который каждое утро будет отпирать ворота, однажды всё равно обнаружит.

В конверте был лист с его почерком, ровным и мелким, и наверху стояла дата: август две тысячи четырнадцатого года.

Егор сел в машину, завёл двигатель и поехал домой, к отцовскому дому на Рыбацкой, где его ждал чужой кот, чужая жизнь и незакрытый вопрос про то, сколько он ещё способен молчать.

Глава 7

Утро в Угличе начинается в пять сорок, когда на Спасской идёт молоковоз, а в шесть открывается рынок.

Мукомол Иван Степанович привозил муку на стареньком белом фургоне, на котором сбоку было написано краской «Мука. Крупа. Всегда». Он был похож на карпа: круглый, спокойный, с крошечными внимательными глазами. Муку он привозил с мельницы под Ярославлем, свою, полбяную и ржаную, и разговаривал с ней, как с живым человеком.

- Вот эта, - говорил он, стуча костяшками по мешку, - боевая. Она тесто поднимает и держит, её уважать надо. А вот эта - барышня. Её чуть перегреешь - обидится.

- Иван Степанович, а нельзя попросить ржаную с прошлого помола?

Дядя Слава, сыровар, приезжал в десять, ставил на стол термосумку и разворачивал сыры: молодой, как яблоко, козий с белой плесенью, полутвёрдый, который он называл «мой Ярославль», и его твёрдую гордость - жёлтый, выдержанный, с ореховой крошкой. Дядя Слава был худой, с руками в ожогах от кипящего молока и с манерой говорить о сыре как о подростках: «Этот характерный. Этот ещё дурак, но перспективный».

Мы с ним придумали ватрушку с козьим и мёдом и назвали «Козья пристань» - потому что так назывался мыс, где его сыроварня.

Через два дня после дегустации, в половине седьмого утра, я стояла на кухне «Мельницы» и развешивала на доске приборы, а Егор стоял в дверях со своим блокнотом.

- Ты опоздала на двенадцать минут, - сказал он.

- Я купила молоко. Оно кончилось, потому что кто-то вчера выпил три литра кофе на молоке.

- У нас есть поставщик молока.

- У вас поставщик молока привозит то, что в совете директоров называют «питьевое нормализованное», - сказала я. - А для закваски нужно то, что утром мычало.

Егор что-то записал в блокнот, и я не знаю, что это было: «молоко» или «не спорить, бесполезно».

Работать с ним было невозможно и по-своему полезно.

Он заходил на кухню каждые сорок минут. Он брал со стола нож и ставил его на место, потому что я держала ножи «не по системе». Он поправлял конвектор, который показывал двадцать пять градусов, на двадцать четыре, потому что «так экономнее», а потом хлеб выходил с неправильной коркой, и мы шли с ним по кругу: он говорил, что это не его сторона ответственности, я говорила, что это его кухня, он говорил, что кухня по договору моя.

- Знаете, что самое неприятное? - сказала я однажды, вытаскивая формы. - Вы не грубый. Вы хуже. Вы правильный.

- Это комплимент?

- Это диагноз.

Он налил себе кофе, попробовал, поморщился и сказал:

- Кто это варил?

- Я.

- Зачем вы варите кофе? У нас есть автомат за триста тысяч.

- Потому что у вас автомат варит как человек, который никогда не был на рынке в шесть утра, - сказала я и налила ему свой, из дешёвой турки, тёмный, густой, орущий. - Попробуйте и не говорите ничего. Скажите потом, через минуту.

Он попробовал. Через минуту он ничего не сказал. Ещё через минуту спросил:

- Что вы туда положили?

- Воду. Кому-то и этого достаточно.

Потом было наоборот.

Я завела первую партию в новую печь, глядя на термометр, как на подозреваемого. Хлеб я достала в девять. Он остывал на решётке, и по кухне шёл такой запах, что рабочие в зале перестали орать в рацию и начали заходить «посмотреть на свет».

Савельев взял батон, отломил корочку - руками, без ножа, что мне понравилось, - откусил и замер. Он жевал молча, глядя куда-то в стену, аккуратно, долго, как будто решал задачу, у которой не сходиллся ответ.

Потом отломил вторую. И сказал:

- Много соли.

- Нормально соли.

- Нормально, - согласился он неожиданно и вышел.

- Вот теперь видно, что дело пошло, да? А то мы думали, начальник спит тут. Он вечером сидит, выключает всё, свет тушит, только у него в кабинете ноутбук. Двенадцать лет по нему не сплю, ни разу не было, чтобы он полпервого ушёл. Тётя Люба говорит, у него это семейное, отец такой же был: всё «надо».

- Не сплетничай, - сказала я.

- Я не сплетничаю, я информирую, - обиделся Витёк.

В пятницу я зашла в его кабинет отдать накладные. Кабинета у него было два, я не знала: «официальный» в конторе на Спасской и этот - угол на стройке, стол, стул, лампа, стеллаж с папками и старая картотека, оставшаяся от часовой мастерской. На столе стоял термос, лежала рулетка, а в открытом ящике виднелись батарейки, степлер и фотография.

Я не собиралась смотреть. Фотография лежала лицом вверх. Она лежала лицом вверх, я клянусь.

На ней был берег Волги, белый песок, май 2014 года, и четверо выпускников на перевёрнутой лодке. Ира Спирина с гитарой. Максим Круглов - в шортах и очках, уже тогда с этим своим видом «я всё лучше знаю». И мы. Я - в красном сарафане, стриженная под мальчика, с пышными, дурацкими, счастливыми щеками. И Горка Савельев - худой, загорелый, с длинным носом, смотрит не в камеру, а в мою сторону, потому что фотографировал Максим, а значит, Горка смотрел на меня. В этом месте у меня в груди что-то шумит как в трубах с водой: тонко, противно, тупо.

- Накладные? - сказал Егор от двери.

Я выпрямилась. Фотография осталась лежать в ящике, ящик был открыт, всё было видно, и мы оба знали, что видно.

- Вот, - сказала я. - И вы забыли, что по договору у меня суббота тоже рабочая.

- Я не забыл.

- Отлично. Значит, в субботу я делаю пробную коврижку для ярмарки.

- Я заеду в девять.

- Не надо.

- Мне надо, - сказал он. - Я ваш... - он запнулся, и это была первая его запинка за две недели, - заказчик.

Я вышла на улицу. На ручье уже стоял Профитроль и делал вид, что не узнаёт меня. На ветке у окна болтался кусок бумаги. Я подумала: ветер подцепил объявление.

Клочок бумаги торчал в щели у самодельных ворот пекарни, и я вытащила его по дороге, не глядя, чтобы не мусорить в собственном дворе. И только дома, у вечернего чая, развернула.

Это был не объявление.

Это был конверт, пожелтевший по сгибу, заклеенный, с одним словом на обороте, написанным мелким, ровным, незнакомым мне почти уже почерком: «Вере».

А в углу конверта стояла дата, написанная его рукой: август. Две тысячи четырнадцатого года.

Глава 8

Конверт я не открыла.

Он лежал в жестяной коробке из-под леденцов, рядом с ключом и бабушкиной запиской, и я ходила мимо этой коробки четыре дня, как ходят мимо человека, с которым надо поговорить, но неизвестно, с чего начать.

На пятый день позвонил Максим.

- Ну что, Вер? Как тебе провинция?

- Здравствуй, Максим.

- Здравствуй. Я по делу. У меня тут проект: сеть ресторанов при отеле в Хамовниках, четыре этажа, кухня открытая, шеф-кондитер нужен свой. Платят хорошо, я пробил. Плюс у них будет пекарня при входе, вот это твоё, вот это прямо твоё.

- Я в Угличе.

- Это я слышал, - сказал Максим и помолчал ровно столько, чтобы пауза подействовала.

- Вер. Ты там сидишь в доме без отопления, чтобы доказать что-то человеку, который тебя не помнит. Тебе тридцать. У тебя вообще-то руки, за которые в Москве очередь.

- У меня здесь договор.

- Договор можно расторгнуть. Я тебе как юрист говорю.

- Ты не юрист.

- Я в жизни юрист, - сказал Максим. - Я договорюсь.

Он всегда так говорил: «я договорюсь». Двенадцать лет назад это казалось надёжным. Потом выяснилось, что договаривается он всегда за чей-то счёт, просто этот счёт не всегда мой.

Я положила трубку, вышла во двор и села на завалинку к Профитролю, который с недавних пор считал меня своей мебелью.

В 2014 году мне было восемнадцать, и в мае того года Горка Савельев чинил бабушке проводку в мастерской.

Он тогда работал на пристани: летом экскурсии, зимы не было, потому что после школы он сразу уезжал. Он пришёл с мотком провода, в майке, с руками в ссадинах, и бабушка, которая никого не любила, посмотрела на него и сказала: «Ну заходи, электрик». С тех пор он заходил каждый день.

Он чинил, я пекла. Он тянул кабель, я мыла полы. Он спрашивал: «Почему ты не уедешь в Москву, у тебя же руки?» Я отвечала: «Потому что бабушка одна и пекарня одна». Он говорил: «Я уеду, у меня отец всю жизнь на комбинате, я не хочу так». Я говорила: «Ты вернёшься». Он говорил: «Вернусь».

В июне был выпускной. Мы сидели на пристани до четырёх утра, у него была футболка, пахнувшая рекой, и он сказал: «Вера, я осенью приеду. В сентябре, к твоему дню рождения. Ты держи тут хлеб, ладно? Я хочу заходить и есть твой хлеб, пока ты мне не скажешь, что тебе это надоело».

Я обещала держать хлеб.

Двадцать первого сентября 2014 года я испекла коврижку, накрыла её полотенцем и просидела у окна до одиннадцати. Бабушка сказала: «Не сиди как привокзальная». Я сказала: «Он обещал». Бабушка сказала: «Обещал - это не профессия».

Потом я приехала на осенние каникулы - его не было. На Новый год - не было. В феврале 2015-го я написала ему письмо, на бумаге, настоящее, и отправила в Москву, в общежитие, адрес я знала от Иры Спириной. Ответа не было.

В мае 2015-го я поступила в колледж в Ярославле, потом уехала в Москву и старалась об этом не думать. Иногда получалось по три месяца.

- Знаешь, - сказала я Профитролю, - если бы мне кто-нибудь сказал, что он вернётся вот так, через двенадцать лет, в рубашке и с папкой, я бы посмеялась. Или нет. Не посмеялась бы.

Кот зевнул. У него на этот счёт не было мнения.

Вечером я пошла на «Мельницу» - там ждала вечерняя партия, и я честно собиралась работать до полуночи. На кухне горел свет, а Егор стоял у стола и складывал в коробку какие-то бумаги.

- Я думал, ты не придёшь, - сказал он. - У тебя суббота.

- У меня суббота рабочая, - напомнила я. - По вашему же пункту.

- Ага. - Он посмотрел на меня внимательнее, чем нужно. - Что случилось?

- Ничего.

- Вера.

- Ничего, - сказала я, и вдруг выяснилось, что я стою посреди его кухни и говорю не то, что собиралась: - Вы знаете, чем отличается хлеб от людей? Хлеб, если ты его оставил, он всё равно подойдёт. Ему плевать, что ты ушёл. Ему даже лучше.

Егор очень медленно закрыл коробку.

- Я не собираюсь делать вид, что не понимаю, о чём ты, - сказал он. - Но если ты хочешь поговорить про ту осень, то есть одна вещь, которую тебе нужно знать. Я не могу её рассказать сегодня, потому что это не мой рассказ.

- Чей?

- Твоей бабушки.

Вот тут у меня в кармане стало горячо, как будто ключ нагрелся.

- Моя бабушка умерла в марте.

- Я знаю, - сказал Егор. - Я был на похоронах. Стоял у ограды, чтобы никто не видел.

Мы стояли в трёх шагах друг от друга, посреди чужой огромной кухни, и молчали. За окном шёл дождь, капли стучали по откосу, и мне казалось, что если я сейчас скажу хоть слово, то всё это: договор, хлеб, дом, фестиваль, моя новая жизнь, которая только-только начала пахнуть мукой, - треснет пополам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.